

УДК 338.97
ББК 65.9(2P)32+60.55

К 176 **Калугина З.И. Рыночная трансформация аграрного сектора России: Социологический дискурс.** – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2015. – 342 с.

ISBN 978-5-89665-290-8

В книге представлены избранные труды автора, посвященные проблемам реформирования аграрного сектора России в 1990–2000-х годах. В них рассмотрены основные этапы, экономические результаты и социальные последствия рыночной трансформации аграрного сектора России; в контексте основных направлений государственной аграрной политики проанализированы адаптационные стратегии предприятий, семей и групп; процесс становления новых хозяйствующих субъектов; показаны механизмы возникновения институциональных ловушек и депривации сельского населения, дана оценка социальных рисков модернизации аграрной экономики страны, изложено авторское видение посткризисного развития отечественного АПК и социально-экономических механизмов оздоровления аграрной экономики.

Книга рассчитана на широкий круг читателей: экономистов, социологов, ученых-аграрников, практиков, студентов и всех, кому не безразличны трудные судьбы российской деревни.

Рецензенты:

д.э.н. Щетинина И.В., к.с.н. Фадеева О.П.

ISBN 978-5-89665-290-8

УДК 338.97
ББК 65.9(2P)32+60.55

© Калугина З.И., 2015 г.
© ИЭОПП СО РАН, 2015 г.

НОВАЯ ПАРАДИГМА СЕЛЬСКОГО РАЗВИТИЯ¹

Сельские территории как объект стратегического планирования

Для проверки гипотезы о неоднородности сельской территории как объекта стратегического планирования был выполнен типологический анализ социально-экономического положения сельских районов Новосибирской области. Исходные показатели, используемые для группирования районов, отражают долю района в территории области, численности населения, производстве сельскохозяйственной и промышленной продукции, а также эффективность и условия сельскохозяйственного производства.

Иерархический кластерный анализ на основе стандартизованных переменных позволил выделить пять кластеров районов, размещение которых на территории области представлено на рис. 1. Перечень исходных показателей, а также их средние значения по выделенным кластерам представлены в таблице 1.

В отдельный, *первый* кластер выделился Новосибирский район, который занимает лидирующее место среди районов области.

Второй кластер образуют пять наиболее развитых районов, расположенных в пригородной зоне или вблизи железнодорожных и автомобильных магистралей: Искитимский, Коченевский, Ордынский, Тогучинский и Черепановский.

¹ Статья написана в соавторстве с к.с.н. О.П. Фадеевой. В данной статье авторы, опираясь на многолетний опыт исследования аграрных проблем, излагают свое видение перспектив развития российской деревни, исходя из представлений о многофункциональности сельских территорий, многопрофильности и многоукладности сельской экономики, приоритетности задач по человеческому развитию. Авторы попытались ответить на три взаимосвязанных вопроса: является ли сельская территория однородной как объект стратегических разработок; в чем состоит предмет стратегического планирования применительно к сельской местности; неизбежна ли смена парадигмы стратегического развития при переходе от среднесрочной к долгосрочной перспективе? Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (Проект № 08-03-00473а).

Рис. 1. Размещение выделенных кластеров районов по территории Новосибирской области

В *третий* кластер вошли 12 районов, расположенных в Кулундинской зоне и Южной Барабинской подзоне: Карасукский, Краснозерский, Кочковский, Барабинский, Усть-Тарский, Венгеровский, Баганский, Купинский, Татарский и Чистозерный, которые, хотя и не обладают хорошими природно-климатическими условиями, демонстрируют стабильное развитие. В этот кластер вошли также два района, расположенные в центрально-восточной зоне: Маслянинский и Сузунский, удаленные от областного центра и железных дорог. Этот класс районов имеет средние показатели развития.

В *четвертый* кластер вошли семь районов, расположенных преимущественно в Южной и Центральной Барабинской подзонах: Доволенский, Здвинский, Каргатский, Куйбышевский, Чулымский, Чановский, Колыванский. По основным социально-экономическим показателям они занимают пограничное положение между третьим и четвертым кластерами районов.

Таблица 1

Средние показатели развития сельских районов Новосибирской области по выделенным кластерам

Основные показатели	Кластеры				
	1	2	3	4	5
Число районов в кластере	1	5	12	7	5
Удельный вес района в территории области, %	1,6	2,6	2,6	3,9	5,2
Удельный вес района в численности постоянного населения области, %	4,3	2,0	1,0	0,9	0,9
Удельный вес района в объеме продукции сельского хозяйства, %	11,7	5,4	2,8	2,2	1,7
Удельный вес района в объеме промышленной продукции, %	4,2	1,2	0,2	0,1	0,3
Среднемесячная заработная плата одного работающего в сельском хозяйстве, руб.	4428	2643	1565	1436	1223
Объем производства продукции сельского хозяйства в хозяйствах всех категорий, млн руб. за год	2146	1392	765	602	410
Доля сельскохозяйственных предприятий в производстве продукции, %	41,0	51,2	58,7	51,6	33,2
Доля прибыльных хозяйств в 2004 г., %	82,0	74,4	81,3	52,4	40,6
Прибыль в расчете на одно хозяйство, тыс. руб.	4823	8639	4504	3992	1554
Доля перспективных хозяйств*, %	55,0	47,8	62,5	22,6	25,4
Число фермерских хозяйств, единиц	138	375	106	58	41
Балл бонитета почв	29,63	21,75	17,53	17,90	16,44
Производство молока на 100 га кормовой площади, ц	409	217	152	97	96
Производство мяса на 100 га кормовой земли, ц	22,2	12,2	11,4	7,2	7,0
Миграционный прирост / отток населения за 2004 г., чел.	+1514	+150	-134	-77	-112

* Экспертные оценки Института экономики СО РАСХН [Основные показатели 2004; Сельское хозяйство 2003].

Пятый кластер образуют пять наименее развитых (маргинальных) районов из трех природно-климатических зон, характеризующихся низким бонитетом почв, малонаселенностью при наибольшей доле в территории области, низкой эффективностью сельскохозяйственного производства, сокращением роли коллективных хозяйств и слабым развитием фермерства. Основное производство сельскохозяйственной продукции в маргинальных районах области сосредоточено в личных хозяйствах населения.

В этот кластер вошли две подгруппы районов: Убинский, Кыштовский, Северный с наихудшими природно-климатическими условиями и низкими экономическими показателями, а также Болотнинский и Мошковский районы, обладающие относительно благоприятными природно-климатическими условиями (бонитет почв здесь составляет 20,09 и 19,36 балла), но наихудшими экономическими показателями. Так, в Мошковском районе в 2004 г. из 9 сельхозпредприятий только одно было прибыльным, а в Болотнинском районе только три хозяйства из 11 отнесены, по экспертным оценкам СО РАСХН, к числу перспективных. В этих районах одна из самых низких заработных плат сельскохозяйственных работников – 1329 и 1263 руб. соответственно. Как следствие – низкая производительность труда и незаинтересованность жителей в сельскохозяйственном труде. Пригородное положение районов способствует трудоустройству населения в городе.

Как видим, наибольшая дифференциация уровня социально-экономического развития районов наблюдается по географическому положению: близость к мегаполису, а соответственно – к рынкам сбыта; а также по плодородию сельскохозяйственных угодий и природно-климатическим условиям.

Размер заработной платы сельскохозяйственных работников также сильно дифференцирован: размах колебаний составляет 3205 руб. Низкая заработная плата, с одной стороны, является следствием неэффективности ведения хозяйства, а с другой – ее фактором. К тому же недооценка рабочей силы является мощным «выталкивающим» фактором. Результирующим показателем, отражающим условия жизнедеятельности населения в районе, является миграционный прирост или отток населения, который показывает вектор перемещений сельского населения из неблагополучных в более развитые районы.

Развитие сельских районов в зеркале современных концепций

Концепция югославского экономиста Рудольфа Бичанича о поворотных пунктах (точках бифуркации) в динамике сельского хозяйства

В концепции постулируется, что каждая из трех стандартных групп факторов производства (труд, земля, капитал) проходит в своем историческом развитии три стадии [Bicanic, 1972].

На первой стадии численность занятых в сельском хозяйстве растет, господствует натуральное хозяйство, нацеленное на максимизацию продукта. Производство полностью зависит от наличия земли и ее естественной продуктивности. Капитал на первой стадии либо крайне скуден, либо вообще отсутствует – главными являются природные факторы и риски, опора делается на трудовой потенциал села.

На второй стадии абсолютный рост численности занятых в сельском хозяйстве прекращается, их доля падает, происходит поворот к товарному рыночному производству и максимизации дохода от продажи продукции. Наблюдается исчерпание лучших земель, сокращение угодий в ходе урбанизации, вывод из оборота маргинальных земель. Отмечается резкий рост капиталоемкости при выравнивании нормы отдачи, окупаемости инвестиций в сельском хозяйстве и за его пределами, что провоцирует приток средств из других отраслей. Здесь главными являются коммерческие факторы.

На третьей стадии серьезно сокращается занятость в сельском хозяйстве, приоритетным становится увеличение дохода на одного занятого. Осуществляется интенсификация землепользования, замещение естественного плодородия капиталом через механизацию, химизацию, мелиорацию; земля теряет позиции ключевого фактора, превращается в «обычный товар». Происходит насыщение капиталом и даже его ограничение. Акцент делается на финансовые и инновационные факторы.

По оценкам специалистов, в России в сельском хозяйстве первая стадия была самой длительной. В советский период ее удалось преодолеть лишь в конце 1950-х – начале 1960-х годов, когда на государственном уровне было принято решение о существенном увеличении финансирования развития АПК. При этом колхозы и совхозы не стали вполне рыночными хозяйства-

ми, так что перехода на вторую стадию в полной мере не произошло. К тому же вывод из оборота земель, характерный для второй стадии, в России происходил крайне медленно, так как долгие годы дотациями поддерживались неэффективные хозяйства, использующие малоплодородные земли.

Частичный переход от второй к третьей стадии произошел в России на излете кризиса 1990-х годов, когда возник интерес к некоторым наиболее сильным предприятиям АПК и наиболее плодородным сельским территориям, как инвестиционно привлекательной сфере. Однако кризис 1990-х годов заставил сельское население вернуться к натуральному хозяйству в рамках ЛПХ, ставшего ведущим сектором сельскохозяйственного производства, так что значительная доля сельскохозяйственного производства в России вновь была отброшена на первую стадию.

По мнению специалистов, специфика России заключается в неравномерном и неодновременном прохождении стадий сельского развития в разных уголках огромной страны, так что даже в рамках одного региона можно зафиксировать существование разных типов хозяйствования на земле [Нефедова, 2003; Грицай, Иоффе и др., 1991].

Типология сельских районов Новосибирской области подтверждает этот тезис. Если оценить сельское развитие выделенных кластеров с позиции этой теории, то с определенной долей вероятности можно утверждать, что большинство сельских районов области (третий и четвертый кластеры) находятся на стадии перехода от первой ко второй стадии развития. Пятый кластер районов, представленный пятью самыми отсталыми районами области, проходит еще первую стадию; первый и второй кластеры наиболее благополучных районов проходят вторую стадию развития; и лишь в отдельных хозяйствах-«маяках» наблюдаются признаки перехода от второй к третьей стадии развития.

Географическая концепция эволюции сельской местности Т. Нефедовой

Согласно этой концепции [Нефедова, 2003], сельская эволюция состоит из пяти стадий, которые соответствуют этапам урбанизации сельской территории.

Стадия первая – природная, когда сельхозпроизводство, расселение, образ жизни – все вписано в природу. Преобладает

натуральное хозяйство, чья продуктивность зависит от природных условий. Характерно разнообразие, самодостаточность и обособленность природно-этнических сельских ареалов.

Стадия вторая – раннегородская, природно-национальная, когда урбанизация стимулирует отток сельского населения, но благодаря высокому естественному приросту сохраняется его многочисленность, идет процесс дифференциации специализации и культуры землепользования. Роль индивидуального сектора для выживания села высока, но дифференцирована слабо.

Стадия третья – среднеурбанизационная. Происходит резкое деление территорий, обладающих благоприятными (юг) и неблагоприятными (север) природно-климатическими условиями для ведения сельского хозяйства. Природа и капитал – взаимодополняющие друг друга факторы. На этой стадии происходит концентрация и поляризация производства и сельского расселения, стягивание населения и жизнеспособного общественного производства к городам.

Стадия четвертая – позднеурбанизационная, где усиливаются зональные различия. Капитал уже заменяет труд, не требуя роста сельского населения.

Пятая стадия – неоприродная (экологическая). Сельское пространство перестает быть аграрным и становится рекреационно-дачным и эковиотехнологическим.

По мнению автора концепции, в настоящее время Россия в целом проходит третью стадию эволюции, а некоторые регионы, такие как Подмосковье, живут уже в следующей.

Как показывает анализ, сельское развитие Новосибирской области ближе всего соответствует среднеурбанизационной стадии по модели Т. Нефедовой. Для него также характерны зональная дифференциация развития территорий, стягивание производства и населения к мегаполису.

С позиции устойчивого развития сельское хозяйство проходит также несколько стадий развития, характеризующихся социальной, экономической или экологической ориентацией. В ходе исторического развития производительных сил аграрный сектор решает три указанных группы проблем последовательно. Сначала преодолевается проблема голода – на этом этапе находятся страны социально-ориентированного сельского хозяйства; затем решается проблема низкого уровня благосостояния занятых в аграрном секторе – на этом этапе находятся страны экономи-

чески ориентированного сельского хозяйства; наконец осуществляется задача минимизации загрязнения окружающей среды в результате аграрной деятельности – как в странах экологически ориентированного сельского хозяйства.

Анализ ситуации в Новосибирской области показывает, что за годы реформ, когда ослабла государственная поддержка аграрного сектора и часть «лишних» земельных угодий была выведена из обращения, сельхозпроизводство и переработка сельхозпродукции наиболее успешно развивались в пригородной зоне. Доля периферийных районов в производстве сельхозпродукции сократилась, местным властям все труднее было сдерживать процессы разорения и ликвидации сельхозпредприятий, а также местных молочных и мясоперерабатывающих производств. Как следствие, стихийно нарастало количество необрабатываемых земель, сокращалось количество скота, так как производство молока и мясо стало убыточным.

Процессы сельского развития, происходящие в пригородах и на периферии, были разнонаправлены. Если в пригороде оставшиеся на плаву коллективные хозяйства и поднявшиеся фермерские хозяйства получили более-менее стабильный рынок сбыта, почувствовали заинтересованность переработчиков и покупателей в своей продукции, сумели привлечь инвестиции для материального перевооружения своего производства, тона периферии вслед за разрушением местной переработки сузился рынок сбыта, посредники все жестче стали диктовать свои условия, возможности для окупаемого земледелия практически сошли на нет. Поэтому на периферии население было вынуждено все больше времени и внимания уделять ЛПХ, как основному источнику существования, – за счет самоэксплуатации.

Высокая доля производства в личных подсобных хозяйствах, характерная для всех групп районов Новосибирской области, свидетельствует о преимущественной социальной ориентированности сельского хозяйства, которая способствует выживанию, но не решает проблему повышения уровня благосостояния сельского населения. В свою очередь, низкая рентабельность сельскохозяйственной деятельности, не обеспечивающая даже простого воспроизводства, не позволяет предприятиям перейти на стадию экологически ориентированного хозяйствования.

В целом специфика России заключается в неравномерном и неодновременном прохождении стадий сельского развития в

разных уголках огромной страны, так что даже в рамках одного региона существуют разные типы хозяйствования на земле.

Типология сельских районов Новосибирской области подтверждает этот тезис, что с необходимостью требует дифференцированного подхода к выработке стратегии по выделенным группам районов, так как они развиваются по разным траекториям и, по сути, представляют разные социальные миры.

Второй вывод – развитие сельской экономики, сельских территорий и населения взаимосвязаны. Такой подход частично отражает *концепция устойчивого сельского жизнеобеспечения*, которая базируется на комплексном использовании сельским обществом пяти видов основных ресурсов – природных, материально-технических, финансовых, социальных и человеческих. В центре такой системы стоит сельский житель, его потребности и интересы. В число основных задач устойчивого сельского жизнеобеспечения входят: защита прав сельских граждан на землю; повышение уровня знаний сельского населения в области сельхозпроизводства; улучшение доступа к финансовым ресурсам (схемы микрокредитования); улучшение доступа к услугам и развитие кооперации; развитие сельских сообществ, местного самоуправления и несельскохозяйственных видов бизнеса [Янбых, 2006].

Переплетение, взаимозависимость и значимость социальных, экономических и природных факторов в развитии сельских территорий обуславливает необходимость комплексного подхода при решении стратегических задач.

Из этого вытекает вывод о том, что предметом стратегических разработок применительно к сельским территориям должно стать сельское развитие в целом, включающее три основных элемента: развитие сельской экономики, развитие сельских территорий и развитие человека.

Полифункциональность аграрного сектора

Традиционно аграрный сектор рассматривался как поставщик для экономики страны и городского населения сельскохозяйственной продукции, а сельское население – как ее производитель. Между тем аграрный сектор помимо производственной выполняет по отношению к обществу и своему населению ряд важных социально-экономических функций. К ним относятся

следующие функции: рекреационная; социального контроля за территорией; и воспроизводства населения [Методология и методика, 1980].

Рекреационная функция состоит в оздоровлении городского и сельского населения за счет использования природных рекреационных ресурсов (горных и лесных ландшафтов, морских и речных пляжей, минеральных источников, целебных грязей и т.д.). Большинство санаториев, загородных больниц, домов отдыха, детских оздоровительных и спортивных лагерей, дачных поселков, туристических баз, садово-огородных участков расположено на сельской территории. Село, бесспорно, является главным исполнителем рекреационной функции.

Вторая социальная функция села заключается в относительно равномерном заселении, хозяйственном освоении и социальном контроле внегородской территории страны. Аграрное население «ответственно» перед обществом за освоение и поддержание в освоенном состоянии сельскохозяйственных угодий, лесов, озер и других природных ресурсов и за соблюдение правопорядка на внегородской территории. Велика роль сельского населения в сохранении биологического многообразия и в борьбе с деградацией земельных ресурсов, а также в трансляции и сохранении и традиционных знаний и методов землепользования.

С потерей сельских поселений общество теряет социальный контроль за своей территорией, что угрожает территориальной целостности страны в условиях дефицита земельных и природных ресурсов в сопредельных государствах при высокой плотности их заселения. Это приводит также к резкому сокращению используемых рекреационных ресурсов, что является дополнительным фактором ухудшения и без того крайне неблагоприятной демографической ситуации в стране.

Выполнение сельскими территориями функции социального контроля освоенного географического пространства должно стать одним из элементов доктрины национальной безопасности страны. В соответствии с этой доктриной должны быть разработаны меры по поддержанию и развитию системы городского и сельского расселения, обеспечивающей социальный порядок и территориальную целостность страны. Основную функцию по обустройству и развитию приграничных поселений, в том числе контрольно-пропускных пунктов в сельской местности, должно взять на себя государство.

Воспроизводственная функция деревни заключается также и в передаче от поколения к поколению умений, навыков природопользования и ведения сельскохозяйственного производства, сельского уклада жизни и традиционных норм и ценностей.

Выполнение сельскими территориями воспроизводственной функции непосредственно связано с кардинальным повышением качества жизни сельского населения, которое в настоящий момент значительно отстает от городского, что обуславливает значительно худшие показатели состояния здоровья селян, продолжительности их жизни и развития человеческого потенциала в целом.

Перспективы сельского развития должны определяться исходя из необходимости выполнения аграрным сектором всех перечисленных функций. При этом роль и значимость отдельных функций со временем могут принципиально меняться. В отдаленной перспективе основными функциями аграрного сектора должны стать не только производство сельскохозяйственной продукции, что необходимо для обеспечения продовольственной безопасности страны, но и развитие других видов производственной деятельности. В первую очередь это касается реанимации сельской социальной и производственной инфраструктуры, развития переработки сельскохозяйственной продукции, возрождения народных промыслов, вовлечения в хозяйственный оборот разнообразных рекреационных ресурсов, размещения в сельской местности промышленных производств, опирающихся прежде всего на использование местных природно-сырьевых ресурсов. Иными словами, речь идет о диверсификации сельской экономики. Не меньшее значение имеет возрождение производства традиционных сельскохозяйственных культур, резкое сокращение объемов которого в советские времена было обусловлено существующим тогда разделением труда между союзными республиками. Это касается, например, производства льна, характерного для аграрного производства Сибири в прошлом.

Кроме того, выполнение аграрным сектором производственной функции требует не только интенсификации, четкой специализации и диверсификации экономики, но и повышения эффективности использования материально-технических и человеческих ресурсов, развитие которых становится важнейшим приоритетом в эпоху становления экономики знания.

Однако, как ни парадоксально это звучит, профессиональные навыки и знания работников не всегда востребованы и не во всех случаях используются эффективно. По данным социологического обследования городского и сельского населения Новосибирской области, проведенного ИЭОПП СО РАН в 2006 г.¹, примерно каждый пятый работник в городе и каждый десятый в селе указали на то, что их квалификация, опыт и знания практически не востребованы на их теперешней работе. Отчасти это можно объяснить тем, что у половины опрошенных городских и сельских работников работа не соответствовала полученной специальности. При этом у 48% городских и около 70% сельских работников, по их мнению, отсутствуют перспективы для профессионального и карьерного роста на их работе. Между тем специалисты отмечают, что информация и знания отличаются от денежных, природных, трудовых и технических ресурсов своей недолговечностью, способностью к устареванию, что требует их постоянного возобновления и обновления [*Стюарт*, 1999].

Низкая востребованность высокой квалификации проявляется и в уровне оплаты труда. Как показали исследования формирования заработной платы по профессионально-квалификационным группам, российские специалисты высшего уровня квалификации (доля обладателей вузовских дипломов в их числе приближается к 73%) зарабатывают столько же или даже меньше, чем «синие воротнички» (квалифицированные рабочие, операторы, аппаратчики, машинисты). Заработная плата специалистов среднего звена даже не дотягивает до среднего уровня (чуть более 80%) [*Гимпельсон, Горбачева* и др., 2007, с. 57, 63].

Всероссийская перепись населения 2002 г. зафиксировала другой парадоксальный факт: снижение уровня профессионального образования молодого поколения по сравнению со старшим. Особенно четко эта тенденция проявилась в сельской местности и характерна для мужчин [*Калугина*, 2007а]. Низкий уровень профессионального образования молодого поколения может стать сдерживающим фактором сельского развития в будущем.

¹ Всего было опрошено 717 чел., в том числе 412 чел. – жители г. Новосибирска, 305 чел. – сельские жители Новосибирской области. Полевой этап исследования выполнен «ROMIR MONITORING. Новосибирск».

В перспективе возрастает роль деревни как обладательницы разнообразных рекреационных ресурсов, начиная с чистого воздуха и заканчивая уникальными бальнеологическими ресурсами: природными минеральными и термальными источниками, лечебными грязями, водными и лесными угодьями. Использование этих ресурсов обеспечивает сельскому населению новые сферы занятости по обслуживанию курортов, санаториев, зон и баз отдыха [Копотева, 2006].

В этой связи необходимо подчеркнуть важность сохранения неурбанистического уклада жизни в сельской местности, что послужит дополнительным фактором привлекательности сельской местности не только для туристов и отдыхающих, но и для горожан, предпочитающих тихий, размеренный уклад жизни. Опыт развитых стран и современной России демонстрирует *новые типы расселения*, когда вокруг мегаполисов возникают пригородные поселения-спутники, превращающиеся в спальные районы и зоны отдыха обеспеченных слоев населения, готовых вкладывать деньги в создание фамильных усадеб, загородных домов и дач. В таких поселениях сформируется специфическая инфраструктура по снабжению и обслуживанию горожан.

Однако это не снимает задачи благоустройства сельских территорий на уровне современных стандартов. Только сочетание сельского уклада жизни с современным уровнем обслуживания и благоустройства обеспечит стабильный приток городского населения в сельскую местность на отдых, туризм и лечение. Уход от моноотраслевой структуры производства на селе будет способствовать также расширению сфер занятости трудоспособного населения, что существенно повысит социальную привлекательность сельской местности в качестве постоянного места жительства.

Обеспечение высоких стандартов жизни сельских жителей является приоритетным направлением сельского развития. Все существующие проблемы качества жизни населения наиболее остро проявляются в сельской местности. Это обусловлено рядом факторов. Во-первых, более низким уровнем заработной платы. По мнению 70% сельских работников, их труд оплачивается несправедливо и не соответствует их квалификации и трудовому вкладу [Сергиенко, Калугина и др., 2004]. Такие оценки имеют объективные основания. На протяжении десятилетий и в настоящий момент заработная плата сельскохозяйственных ра-

ботников остается самой низкой среди всех отраслей экономики. Если среднемесячная заработная плата в экономике страны составляла в 2006 г. 10633,9 руб., то в сельском хозяйстве – всего 4568,7 руб., или 43% от средних показателей [Российский статистический ежегодник, 2007, с. 184]. В результате сельская местность превратилась в зону высокой концентрации бедности. Доля семей с доходами ниже прожиточного минимума на селе вдвое выше, чем в городе.

Во-вторых, в сельской местности выше уровень безработицы. При этом отмечается наличие структурной безработицы, что обусловлено, с одной стороны, низким уровнем образования и квалификации сельского населения и частичной деквалификацией специалистов в процессе длительной безработицы и разрушения системы профессиональной переподготовки. А с другой стороны, безработица на селе вызвана низким качеством вакантных рабочих мест (плохие условия труда, низкая его оплата, длительные задержки заработной платы, отсутствие перспектив и т.д.). Ситуация усугубляется дисперсностью сельского расселения, порождающей анклавизацию сельского рынка труда. При этом для сельского рынка труда характерна застойная безработица с высокой долей молодежи.

В настоящее время на карте страны появилось немало деревень (в Новосибирской области, например, их около 300), где нет крупного работодателя, способного не только обеспечить постоянной работой основную часть трудоспособного населения, но и регулярно выплачивать заработную плату. Жители таких деревень лишены возможности найти оплачиваемую работу в сфере легальной экономики, а также элементарного социального и бытового обслуживания; они существуют в основном за счет своего подсобного хозяйства, а иногда вынуждены прибегать к нетрадиционным, в том числе криминальным, способам выживания. Оторванные от внешнего мира в силу неразвитости транспортных коммуникаций и дороговизны транспортных услуг, сельские сообщества, проживающие на таких территориях, постепенно превращаются в депривированные социальные анклавы [Калугина, 2007б].

В условиях длительной безработицы основным источником дохода для сельских жителей является личное подсобное хозяйство (ЛПХ) и социальные пособия. Однако доходы от ЛПХ недостаточны для преодоления проблем бедности. Основная часть

продукции ЛПХ идет на удовлетворение нужд самих сельских семей и их родственников. Денежные поступления, получаемые от продажи «избытков» продукции ЛПХ, носят нерегулярный, сезонный характер, а размер ЛПХ ограничивается финансовыми, трудовыми и материально-техническими ресурсами семьи, которые находятся в настоящий момент на грани исчерпания. Ведение ЛПХ для многих семей носит вынужденный характер. При наличии постоянной работы многие из них существенно сократили бы его размеры или отказались бы от него вовсе. Кроме того, занятость в ЛПХ не решает проблему аграрного перенаселения и не гарантирует социальную защиту сельского населения в старости, так как труд в ЛПХ не засчитывается в стаж работы. Механизм накопления страховой части пенсии для занятых в ЛПХ также неотработан.

И наконец, одним из негативных факторов, резко снижающих качество жизни в сельской глубинке, является произошедшее в годы реформ разрушение социальной инфраструктуры вследствие передачи социально-бытовой инфраструктуры с баланса сельскохозяйственных предприятий на баланс местных администраций. Последние к настоящему времени не имеют в достаточном объеме ни финансовых, ни материальных, ни кадровых ресурсов для содержания и развития социально-бытовой инфраструктуры. Это привело к деградации социальной сферы села, сузило и без того небогатый выбор рабочих мест, обусловило увеличение диспропорций в структуре рабочих мест на сельском рынке труда.

Повышение уровня и качества жизни сельского и городского населения увеличит спрос на экологически чистую сельскохозяйственную продукцию, что подтверждает опыт развитых стран, где в настоящее время создаются ассоциации ответственных производителей и потребителей сельскохозяйственной продукции, произведенной по органическим технологиям и без ущерба для окружающей среды. Наличие в России незагрязненных территорий и резкое снижение применения минеральных удобрений, а также различных химических веществ в сельскохозяйственном производстве в последнее время благоприятствуют развитию этого направления аграрной экономики. Трудности сертификации такой продукции вполне преодолимы.

Одним из немногих положительных результатов аграрных реформ в России является формирование многоукладной аграр-

ной экономики на основе институционализации новых форм хозяйствования. Разнообразие форм хозяйствования создает предпосылки для зарождения свободной конкуренции товаропроизводителей на аграрном рынке, обеспечивает наиболее рациональное использование земельных, трудовых и материально-технических ресурсов отрасли, позволяет использовать преимущества как крупного сельскохозяйственного производства, так и мелкого, базирующегося на инициативе граждан. Многоукладность, а не гипертрофированное развитие какой-либо одной хозяйственной формы, будь то крестьянские (фермерские) хозяйства или крупные агропромышленные холдинги, может обеспечить аграрному сектору России устойчивое развитие.

Ориентация только на малые формы, как это предлагают, например, представители Общероссийской общественной организации «Опора России» и ряд ученых-аграриев [Узун, 2007], не только не полезна, но и вредна для страны. Такая политика по существу консервирует мелкотоварность, а следовательно, и низкую рентабельность сельскохозяйственного производства и связанную с ней бедность сельского населения, она на веки вечные обрекает сельское население, включая стариков и детей, на тяжелый, малопродуктивный и малооплачиваемый физический труд. Мировая практика доказала высокую эффективность крупных специализированных производств. Зачем же идти против мейнстрима? Зачем искать свой «особый» российский путь? «Взлет» производства в хозяйствах населения в годы реформ носит вынужденный характер и является проявлением не свободного волеизъявления сельских жителей, а лишь способом их выживания в условиях целенаправленного разрушения коллективных хозяйств. Так, данные лонгитюдного исследования, проведенного в 1975–2005 гг. ИЭОПП СО РАН в сельской местности Новосибирской области, показали, что ведение личного подсобного хозяйства считают вынужденной необходимостью от 50 до 70% сельских респондентов. В период с 1999 по 2004 год, когда произошла некоторая стабилизация социально-экономической ситуации в стране, доля респондентов, намеренных сократить свои ЛПХ или отказаться от них совсем, возросла соответственно с 5 до 11% и с 2 до 16%; а доля намеренных расширить ЛПХ, напротив, сократилась с 34 до 26% [Артемов, Новохацкая, 2006, с. 220].

На наш взгляд, возврат к мелкотоварному производству оттачивает или обращает ход времени вспять в данной географической точке, на данной территории – происходит пространственно-временная реверсия. Этот вывод лежит в русле концепций «временной географии» Т. Хагерстранда, пространственно-временной конвергенции Д. Джанелле¹, а также пространственно-временного структурирования социальных взаимодействий Э. Гидденса [Гидденс, 2005, с. 174–235]. Из этих концепций вытекает вывод о том, что при социальном проектировании необходимо учитывать особенности и факторы функционирования социальных систем во времени и пространстве и не сводить время к измеримому календарному времени. Опираясь на постулаты этих концепций, можно предположить, что ускорение или замедление научно-технического прогресса, качество институциональной среды, развитие человеческого капитала не только обуславливают скорость и траекторию перемещения сельских территорий на пространственно-временных осях, но и определяют качество пространственно-временной зоны (локальности или места действия по Гидденсу), обуславливающее эффективность деятельности отдельных субъектов и – в конечном итоге – социальной системы в целом.

Опора только на крупные агрохолдинги также вряд ли приемлема в силу имеющегося в регионах России разнообразия условий сельскохозяйственного производства. Единой модели обустройства сельского хозяйства и одинакового комбинирования разных форм хозяйствования для такой огромной страны, как Россия, быть не может.

Контуры концепции сельского развития

Среднесрочные тренды развития деревни во многом уже предопределены проводимой аграрной политикой, попыткой правительства поправить положение дел с помощью реализации национальных проектов. Однако бессистемность, некомплексность принимаемых мер и отсутствие стройной концепции развития отечественного АПК не внушают особого оптимизма, хотя само

¹ Понятие пространственно-временной конвергенции предложено Джанелле для описания феномена «сжатия» времени, возникающего вследствие усовершенствования транспортных систем (от повозок до реактивных самолетов).

включение развития АПК в качестве приоритетного направления развития России – факт знаменательный. Кардинальное изменение положения дел в аграрном секторе страны потребует неординарных и нетрадиционных подходов к сельскому развитию.

Переход страны к рынку, резкое ослабление роли государства в решении социально-экономических задач обуславливают необходимость поиска и нахождения новых источников сельского развития. В долгосрочной перспективе необходима и смена парадигмы сельского развития.

Новая парадигма сельского развития предполагает, во-первых, смену ориентиров: переход от государственного патернализма к саморазвитию с опорой на внутренние ресурсы и равноправное партнерство государства, бизнеса и населения.

Эта парадигма находится в русле общемировых тенденций. В условиях глобализации и открытости национальных экономик обостряется конкурентная борьба за рынки сбыта, повышаются требования к качеству продукции со стороны потребителя, экономические сообщества вынуждены прибегать к квотированию производства отдельных видов продукции, сокращать площади обрабатываемых земель. Государственные субсидии и дотации сельскохозяйственного производства во многих странах, хотя и остаются весьма существенными и значительно превышают общероссийские показатели, имеют тенденцию к сокращению. В этих условиях актуализируется поиск дополнительных источников развития сельских территорий.

Одним из таких дополнительных источников развития является диверсификация сельской экономики. Опыт развитых стран показывает, что в настоящее время растет доля фермеров, имеющих в своих хозяйствах несельскохозяйственные структуры. Например, в Англии доля таких хозяйств приближается к 50% [Франк, 2007, с. 213]. В США большинство мелких ферм принадлежит сельским жителям, основным источником доходов которых является внефермерская деятельность [Протопопов, 2007, с. 101]. По данным Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2006 г., в России осуществляли сельскохозяйственную деятельность только 69% сельскохозяйственных предприятий, около 50% крестьянских (фермерских) хозяйств и 67% индивидуальных предпринимателей [Предварительные итоги..., 2007, с. 3]. Иными словами, диверсификация экономической деятельности основных хозяйствующих субъектов аграрного сектора

происходит и в нашей стране [Чепурных, Новоселов, Мерзлов и др., 2006, с. 137–147].

Стратегическая цель сельского развития в рамках новой парадигмы: обеспечение качественного прорыва в повышении уровня и качества жизни сельского населения и устойчивого развития сельских территорий на основе полифункциональности аграрного сектора, многопрофильности сельской экономики, многоукладности аграрного производства, сохранения неурбанистического образа жизни населения.

Механизмы достижения стратегической цели

Достижение стратегической цели сельского развития с опорой на внутренние ресурсы может быть обеспечено с помощью следующих институциональных, экономических, организационных и социальных механизмов:

- совершенствование институциональной среды (земельного, водного и лесного кодексов);
- закрепление и защита прав собственности;
- государственная политика по защите интересов отечественного товаропроизводителя;
- диверсификация сельской экономики (развитие несельскохозяйственных видов деятельности, народных промыслов, зон рекреации, сельского туризма);
- вывод из сельхозоборота маргинальных земель;
- развитие малого и среднего бизнеса;
- возрождение сельской кооперации;
- реализация национальных проектов;
- развитие местного самоуправления;
- социальное партнерство между государством, бизнесом и населением;
- формирование в общественном мнении положительного образа российского крестьянина.

Совершенствование указанных механизмов должно обеспечить рост конкурентоспособности и инвестиционной привлекательности аграрного сектора, снижение инвестиционных рисков в данной сфере, повышение эффективности деятельности всех хозяйствующих субъектов, включая малый и средний бизнес.

Поясним свою позицию относительно государственной поддержки отечественного АПК.

По нашему мнению, ориентация сельского развития на внутренние ресурсы не снимает ответственности государства по защите интересов отечественных товаропроизводителей и созданию благоприятных институциональных условий для их деятельности. Предусмотренный Государственной программой развития сельского хозяйства на 2008–2012 гг. проект комплексной компактной застройки и благоустройства 220 сельских поселений – капля в море. Отметим, что в США на развитие сельской местности из бюджета министерства сельского хозяйства ежегодно выделяется в среднем более 15,5 млрд долл. [*Протопопов, 2007, с. 100*].

По мнению выдающегося мыслителя современности Эрнандо де Сото, главной причиной экономических неудач бывших социалистических стран является неразвитость института собственности. Поскольку собственность нелегальна, она не может быть капитализирована. В первую очередь это касается собственности на землю. Как следствие, земля в настоящий момент не является предметом залога. Ущербное оформление прав собственности, неотработанность и пробуксовка механизмов их защиты являются тормозом на пути рыночных преобразований [*Де Сото, 2004; Шагайда, 2006*].

Экономические интересы федерального центра, местных властей и частного бизнеса не должны входить в противоречие с социальной составляющей аграрной политики. Главной движущей силой в достижении целей социально-экономического развития сельских территорий должен стать средний класс, который сейчас на селе находится в зародышевом состоянии в силу обнищания основной массы сельского населения, снижения качества жизни и уменьшения социальной доступности образования.

Идеи диверсификации сельского хозяйства, многофункциональности аграрной экономики, а также развития местного самоуправления нашли частичное отражение в действующем Федеральном законе РФ от 6 октября 2003 г. «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», реализация которого рассчитана на период до 2010 г. Согласно этому закону, работа по переустройству села должна быть передана вниз – на уровень районных администра-

ций и муниципальных образований. Чиновникам следует превратиться в менеджеров нового типа, обладающих всеми чертами классического предпринимателя. В их компетенции должны быть подготовка идей, разработка бизнес-планов создания новых производств, привлечение инвесторов и стимулирование развития местного предпринимательства, предоставление объективной информации, содействие в аренде пустующих помещений и подборе работников. Местные власти могли бы взять на себя роль координирующего центра в создании экономики нового типа. Уже сейчас в ряде регионов страны на сельских территориях воплощаются в жизнь идеи диверсификации сельской экономики, активно вовлекаются в оборот местные рекреационные ресурсы, развивается туризм, местная и перерабатывающая промышленность с привлечением внешних инвесторов для реализации конкретных проектов.

Литература

1. **Артемов В.А., Новохацкая О.В.** Сельская повседневность в 1970–2000 годы: данные к анализу // Экономическое развитие России. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2006.
2. **Вопросы** статистики. 2007. № 9.
3. **Гидденс Э.** Устроение общества: Очерк теории структуризации. 2-е изд. М.: Академический проект, 2005.
4. **Гимпельсон В., Горбачева Т., Капелюшников Р. и др.** Формирование заработной платы: взгляд сквозь призму профессий // Вопросы экономики. 2007. № 10.
5. **Грицай О.В., Иоффе Г.В., Трейвиш А.И.** Центр и периферия в региональном развитии. М.: Наука, 1991.
6. **Де Сото Э.** Загадка капитала. Почему капитализм торжествует на Западе и терпит поражение во всем остальном мире. М.: Олимп-Бизнес, 2004.
7. **Калугина З.И.** От среднего класса – к креативному // ЭКО. 2007а. № 10.
8. **Калугина З.И.** Депривация сельских сообществ в условиях несостоятельности сельскохозяйственных предприятий // Регион: экономика и социология. 2007б. № 1.
9. **Копотева И.** Сельский туризм как одно из направлений в разработке стратегий развития сельских территорий // Крестьяноведение: Теория. История. Современность. Ученые записки. 2005. Вып. 5. М.: 2006.

10. **Методология** и методика системного изучения советской деревни / отв. ред. Т.И. Заславская, Р.В. Рывкина. Новосибирск: Наука, 1980.
11. **Нефедова Т.** Сельская Россия на перепутье: географические очерки. М.: Новое издательство, 2003.
12. **Основные** показатели социально-экономического положения городов и районов Новосибирской области. Стат. сб. Новосибирск: Облкомстат, 2004.
13. **Предварительные** итоги всероссийской сельскохозяйственной переписи 2006 года // Вопросы статистики. 2007. № 9.
14. **Протопопов И.В.** Информационный образ аграрного сектора США // США и Канада: экономика – политика – культура. 2007. № 8.
15. **Российский** статистический ежегодник. 2007. Стат. сб. М.: Росстат, 2007.
16. **Сельское** хозяйство в Новосибирской области. Сборник. Период 2000–2002 гг. Новосибирск: Облкомстат, 2003.
17. **Сергиенко А.М., Калугина З.И., Родионова Л.В., Фадеева О.П., Муронова И.Ю.** Экономическое поведение населения и социальные эксклюзии на сельском рынке труда // Социальная политика: реалии XXI века. Вып. 2. М.: Поматур, 2004.
18. **Стюарт Т.** Интеллектуальный капитал. Новый источник богатства организаций // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999.
19. **Узун В.Я.** Семейное хозяйство – основа устойчивого сельского развития // Многофункциональность сельского хозяйства и устойчивое развитие сельских территорий. М.: ВИАПИ им. А.А. Никонова, 2007.
20. **Франкс Дж. Р.** Аграрная политика Великобритании // Регион: экономика и социология. 2007. № 4.
21. **Чепурных Н.В., Новоселов А.Л., Мерзлов А.В.** Региональное развитие. Сельская местность. М.: Наука, 2006.
22. **Шагайда Н.И.** Особенности оборота сельскохозяйственных земель в России: институциональный анализ. М.: ВИАПИ им. А.А. Никонова, 2006.
23. **Янбых Р.Г.** Программы устойчивого сельского развития: понятийный аппарат и опыт реализации в России и зарубежных странах // Доклад на II Всероссийском конгрессе экономистов-аграрников по проблеме «Устойчивое развитие агропродовольственного сектора как важнейший фактор социально-экономической стабильности России». Москва, 13–15 февраля 2006.
24. **Bicanic R.** Turning Points in Economic Development. Paris: The Hague; Mouton, 1972.